

кончим механизацию животноводческих ферм, начнем строить новый свиноводческий завод...

Юровка лежит в стороне от большого шпала, за дубовыми перелесками и молодыми основными посадками, на скупой песчаной земле.

Год с лишним назад приехал сюда из Киева агроном Андрей Евгеньевич Борисов, которого рекомендовали председателем колхоза. Колхоз в Юровке назывался «Путь к социализму».

— Что же это — вся страна к коммунизму идет, а вы до сих пор о социализме только мечтаете, как тот Галушка из пьесы Корнейчука?

— Так наш же колхоз все равно дальше социализма не пойдет, — ответил Борисову возмущенный колхозник Филимон Зубченко. — Не везет нам...

— А вы, дядько Филимон, поменьше на базар ездили бы, то оно и было бы! — раздался сзади чей-то молодой голос.

Зубченко промолчал. На собрание тоже молчал. Одинокий голос так и остался одиноким.

И вот сегодня, год спустя, в колхозе — он называется теперь «Путь к коммунизму» — снова собрание. Зоотехник Андрей Иосифович Шипилин читает колхозникам речь Председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина на второй сессии Верховного Совета СССР.

Бюджетом предусмотрено увеличение долгосрочных кредитов для колхозов.

— Как это отразится у нас? — спрашивает бригадир первой полеводческой бригады Яков Лухеца.

— Рассчитываем получить больше, чем имели в прошлом году, — отвечает ему председатель. — Да плюс к этому двести с лишним тысяч рублей ссуда. Значит, закончим строительство гаража, овощехранилища, увеличим число парников, введем в строй оросительную систему на 45 гектарах, за-

собирается нападать, видели аэродромы, с которых то и дело взмывают бомбардировщики как целью усилить шум в воздухе.

Этому противостоит спокойная мощь советского народа.

Сейчас на борту танкера прошел митинг. Команда горячо поддерживает решения Пленума ЦК КПСС и сессии Верховного Совета СССР, еще раз заявила о преданности родной стране, партии и правительству.

Н. Н. МИХАЙЛОВ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

НА ПУТИ В АНТАРКТИКУ

Советский танкер «Ашхабад» идет в Антарктику, чтобы снабдить китобойную флотилию «Слава» горючим и забрать китовый жир. Мы миновали Средиземное море, после короткой стоянки в одном из портов вышли в Атлантический океан и сейчас приближаемся к Канарским островам.

Московское радио держит нас в курсе всех событий. За рубежом еще оптимисте все благоприятство мирной политике нашей Родины. На чужих берегах мы видели ощерившиеся крепости, которым никто не угрожает, видели воищину, на которую никто

Выпавшим за ночь снегом, мягкой февральской погодой встретила Москва дорогих гостей из Белоруссии — писателей, деятелей театра, государственных хорные ансамбли, коллективы художественной самодеятельности. Началась декада белорусского искусства и литературы — праздник братского народа, показывающего нам высокие достижения своей национальной культуры.

Четкий тонкий в своем рисунке белорусский орнамент, амплоу свещности полей трав и цветов, охватывает сейчас обложки книг, афиши, программы. Он затейливо вышит на рукавах, на вороту рубашек участников народных хоров, искусных цыблантов и танцоров. От его простой и точной вязи веет неповторимым художественным своеобразием. В нем живет не только горячая любовь к родной земле, к ее мируному луговому и лесному пейзажу, но и тонкое чувство патристичности и ритма, отражающееся в произведениях белорусского искусства.

Литература Советской Белоруссии — это не только непосредственный голос народных чувств, но и живая, талантливая, со созданием летописи всех исторических событий, пережитых нашей Родиной. Все в народе и все для народа — вот ее душа, ее творческий стимул. Она служит народу вдохновенно и неустанно, с каждым годом все шире развертывая богатство талантов в ней возможности. И ярок свидетельство этому — отряд молодой белорусской литературы, прибывший в Москву для участия в декаде.

Огромный Концертный зал имени П. И. Чайковского собрал 12 февраля на торжествен-

венное открытие литературной декаде десятки многочисленной аудитории. Это были друзья белорусского искусства, горячими аплодисментами встретившие появление в президиум известных художников слова — белорусских писателей и представителей русской литературы. Вступительную речь держал И. Тилленберг, почетный член Академии наук Белоруссии, доктор филологических наук, академик Академии наук Белоруссии. Он сказал о белорусском искусстве, о его роли в развитии культуры нашей Родины, о его вкладе в мировую культуру.

Петр Бровка, Петр Габен, Аркадий Кушнев, Пимен Панченко, Максим Танк, Николай Крылова, Михаил Каваларский, Алексей Заричный, Кастусь Киреенко.

Те же яркие краски народной жизни, ее поанковное здоровье и творческая молодость радовали нас и в большом концерте этого вечера. Бывшие рубаники, первые были дебютеры, молодые писатели, подвигшие стремительными аккордами димбальных переборов и заливчатыми голосами гармошек.

Радушно было в зале от этого веселья, и долго не смо-

стижи, замечательную поэму «Встреча в Китае», в которой выражена высокая идея пролетарского интернационализма.

В годы войны пьесы «Честь» и «Клятва» служили делу воспитания киргизской молодежи в духе животворного советского патриотизма.

А. Токомбаев удостоен звания народного поэта республики, избран действительным членом Академии наук Киргизии, награжден правительственными наградами.

В заключение в приветствии сказано: — От всей души желаем Вам, дорогой наш друг и товарищ Аалы, долгих лет жизни и новых творческих успехов на благо великой советской литературы.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 20 (3365)

Вторник, 15 февраля 1955 г.

Цена 40 коп.

Книги наших китайских друзей (1 стр.). К Всесоюзному совещанию работников издательства и полиграфической промышленности (2 стр.). Ан. Тарасенков. — Свет гуманизма (2-3 стр.). Декада белорусского искусства и литературы в Москве (3 стр.). Лю Бай-юй. — Дружба — в наших сердцах, во всей нашей жизни (4 стр.). Д. Заславский. — Мы идем вместе (4 стр.).

Книги наших китайских друзей

Китайская литература! Какое огромное богатство духовных ценностей заключено в этих словах. Какой бесценный вклад в сокровищницу человеческой культуры внесли писатели великого Китая — страны одной из самых древнейших письменностей на земле.

Страницы, посвященные истории мировой литературы китайскими писателями, принадлежат к числу ее самых замечательных страниц, и тот, кто знаком с произведениями китайских классиков, с книгами современных китайских авторов, не может считать себя широко образованным человеком: его представления о мировой культуре неполны, обширная область прекрасного осталась для него неизведанной.

Советские люди, друзья великого китайского народа, питают к китайской литературе самый живой интерес.

Знакомство с богатейшей сокровищницей многовековой китайской литературы, с произведениями современных китайских писателей духовно обогащает советских людей, становится необходимой частью их культурной жизни.

Нашими издательствами и периодической печатью сделано немало, чтобы раскрыть перед советскими читателями великую книгу жизни китайского народа, созданную его писателями. К 1955 году произведения китайских писателей на русском языке и на языках других народов СССР вышли почти в десяти миллионов экземпляров. Но сделанное — только начало большой работы. Советские люди ждут издания новых произведений китайских писателей, ждут новых книг о китайской литературе.

Книга китайского писателя — желанный гость в доме каждого советского человека, она вестник дружбы и взаимной солидарности, рассказывающий о делах великого народа. Она нужна советским людям. Она помогает нам вместе с народным Китаем бороться за мир, за процветание наших стран, за лучшее будущее человечества.

Рассказы разных авторов, на разные темы, о людях разных профессий и возрастов, но их объединяет одно — волнующая героика дел простых китайских тружеников, людей поразительной смелости, неустремимой энергии, воли и душевной красоты.

Когда группа геологов из отряда Лю Лю (рассказ «В голодном отряде») внезапно оказалась в опасности, попав в болото, Лю, готовый пожертвовать собой, спасает товарищей. Погружаясь в трясину все глубже, он хладнокровно отдает нужные распоряжения. Себя разрешает вытащить из трясины, когда уже все остальные спасены.

В этом небольшом рассказе изумительно сочетаются суровость быта и лирическая теплота человеческих отношений, идейная глубина и художественная выразительность, величие дикой природы и тончайшие психологические зарисовки переживаний покорителей этой природы. В рассказе много волнующего подтекста. Мастерский показ событий через восприятие и осмысление персонажей еще глубже раскрывает их внутренний мир.

Писатель Ма Фын в двух своих рассказах — «Кто-то издался Чжао» и «Хань Май-май» — знакомит нас с тружениками сельской кооперации. Дядюшка Чжао, которому за шестьдесят, и семнадцатилетняя девушка Хань Май-май с разным житейским опытом и разными путями пришли в кооперацию, который для обоих оказался замечательной школой и родником бесконечных возможностей.

Окончив начальную школу и не выдержав экзамена в педагогическом училище, Хань Май-май оказалась в затруднительном положении. Отец злился: дочь не оправдала его надежд. И уж совсем возненавидел ее, когда Май пошла на такую «грязную работу» в кооперативе, от которой все отказывались, — в свиноводство.

Героизм и слава рождаются в труде. Май своим самоотверженным трудом, смеясь новшествами увлекла за собой молодежь. Знания, полученные в школе, очень пригодились ей, и она повела дело «по научному методу», сделала свиноферму образцовой. Теперь девушкой все гордились, и когда из уезда пришло распоряжение отправить ее на учебу в Тайюань, отец даже заплакал, радуясь успехам дочери.

В обоих рассказах Ма Фына немало интересных наблюдений, колоритных, ярких зарисовок. Видно, что автор хорошо знает жизнь людей, о которых он пишет.

Интересный, сложный образ полукрестьянина, полубуржуа, обремененного грузом пережитков, вывел писатель Вэй Вэй в рассказе «Старая труба» («Знамя», книга 10, 1954).

Рассказ проназан глубоким познавательным смыслом, полным напряжением драматизма, насыщенными деталями производственного быта, и все же испытывает некоторое неудовлетворение, прочтешь его. События и факты большой и трудной жизни Лао-гэня, несущего груз разных социальных укладов, противоречий и пережитков, явно тесно в рамках рассказа. Ницунский письмо другу о своем отце сын Лао-гэня порой лишь перечисляет события или вынужден пользоваться пространными сообщениями о них третьих лиц, что снижает убедительность и самого письма-рассказа. Здесь — материал для большого развернутого повествования.

Писатель Ба Цянь, участник боев в Корее, много писал о героизме китайских добровольцев, сражавшихся там. Он издал два сборника о них — «Среди героев» и «Рассказы о героях».

Волнующий рассказ Ба Цяня «Юнона из Сучуани» («Октябрь», книга 10, 1954) повествует о подвиге, совершенном радным добровольцем Хуан Вань-юнем. Веселый, подвижной и расторопный юноша, активный член Союза молодежи, он уже отличился в боях, брал в плен американцев, был награжден, но беспокойно и страстно мечтал о большом подвиге. И час для такого подвига наступил.

Бойцы подразделения, где находился Хуан Вань-юнь, готовясь к штурму высоты, пробрались ночью поближе к противнику и залегли в ожидании сигнала в атаке. От зажигательного снаряда загорелась трава. Пламя охватывает одежду Хуан Вань-юня, но чтобы не выдать товарищей и не сорвать наступления, он горит и умирает в огне, уткнувшись подбородком в землю и не издав ни единого звука. Дыхание сдвигается, когда догитываешь этот рассказ. Целестине всемогущи и непобедимы народы, имеющие таких чудесных сыновей, как Александр Матросов и его побратим Хуан Вань-юнь.

Многовековая история китайского народа еще не знала таких образов индивидуального и массового героизма, какие совершали и совершают люди нового Китая на фронтах войны и в мирном труде. Неистовый родник такого героизма всегда: беспредельная любовь к своей родине, в жестоких боях освобожденной от хищников чужеземных и феодалов-деспотов собственных. Народ-исполин сам стал хозяином своей судьбы, своего счастья.

Пять новых китайских рассказов, о которых пойдет речь в этой заметке, переведены А. Гатовым и опубликованы в журналах «Октябрь», «Знамя» и «Огонек» в горячие провозглашения Китайской Народной Республики.

Вадим КОЖЕВНИКОВ

В пруде и в бою

Ледяной северный ветер обжигает лицо и слышно режет его ножами. Крутом, куда ни глянь, — покрытые глубокими снегами горы и лесные дебри. В этой пустынной стуже по ночам люди в палатке старательно укутывают в теплую одежку, прижимаются друг к другу, но руки и ноги все равно кончатся. А летом так нежданно падает солнце, что кожа чуть не допалит от ожогов. Даже ночью в палатке жарко, а вокруг — болота, зверье, змеи.

Но люди маленького китайского геологоразведочного отряда мужественно преодолевают любые трудности, совершают подвиги, делают сказочные открытия. О них повествовают китайские писатели Чань Цянь и Цю Цин в рассказе «В голодном отряде», напечатанном в 10-й книге журнала «Октябрь» за 1954 год.

Пять новых китайских рассказов, о которых пойдет речь в этой заметке, переведены А. Гатовым и опубликованы в журналах «Октябрь», «Знамя» и «Огонек» в горячие провозглашения Китайской Народной Республики.

Народная мудрость необычайно пластична.

Ее устные и письменные формы удивительно разнообразны. Бесхитростная сказка, замысловатая притча, затейливая загадка, острая, как стрела, поговорка — все это широко используется народом.

В фольклоре есть вещи и чисто развлекательные. Но все основное и значительное несет на себе большую социальную и моральную нагрузку. Будучи великим, неутомимым тружеником, народ прославляет труд и клеймит туеядцев, превозносит простых, честных людей и бичует лицемерно-богатых. Трудно, даже невозможно проследить зарождение сказки, песни или пословицы: замыслы их несутся в воздухе, подобно пыточной пылилке. Автор, пользующийся фольклорным материалом, только обрабатывает, «аранжирует» созданное народом. Сказанное Глиной о музыке также относится и к литературе.

Китайская Народная Республика широко открыла нам доступ к литературной сокровищнице своей страны. Вот почему мы должны приветствовать еще один удачный опыт ознакомления нас с этой сокровищницей — небольшой сборник китайского фольклора, переведенный на русский язык и выпущенный в 1954 году Читинским книжным издательством.

В сборнике представлены и собственно народные произведения и созданные на их основе вещи, принадлежащие классикам и современным писателям. Но основной автор — это сам народ.

Персонажи сборника разнообразны. Его положительные герои умны, бесстрашны, добры, прозорливы, порой лукавы, порой хитры. Но все они всегда действуют на благо народа.

В одной из сказок говорится о том, как пелых семь солнц повалило своеобразно допекать своими лучами злополучную землю. Но храбрый по имени Эр Лан обезвредил шесть солнц, сказав седьмому: «Я не буду преследовать тебя, но ты должно слушаться народа, не смей бездельничать, но и не очень усердствуй. Утром поднимайся на востоке, вечером уходи на запад: людям надо отдохнуть, и ты тоже отдохнешь». И пришлось солнцу на все согласиться.

Народная сказка «Чудесный мастер», по имени которой назван сборник, повествует об искусном резчике по дереву, жившем в глубокой древности. Вырезанным им двенадцать кукол были неотличимы от своего создателя. Но жена мастера распознала мужа по каплям пота, увлажнявшим его лицо во время работы.

Перелетка горько оплакивала гибель своего перелета, ужаленного змеей. Чтобы утешить бедную птицу, знаменитый музыкант написал песню, «полную скорбной невинности и гнева». Услышав эту песню, люди нашли змею и убили ее. «Таково подлинное искусство, оно зовет людей к добру, существовавшее зло», — так кончается басня «Змея и музыка».

Другая змея, прежде чем проглотить воробья, угораздило его долго и нежно и в заключение сказала: «Теперь ты видишь, как непохожа я на остальных змей, грубых и бесчеловечных. То есть между нами нет ничего общего».

В «Записи рассуждений свиньи» есть и такое высказывание, адресованное простой, работающей курице: «Если все станут работать, кто же тогда, позволе вас спросить, будет заниматься фундаментальной учебой, кто вас уму-разуму учит будет?».

Особый раздел сборника посвящен пословицам, этим маленьким густым народным мудрости.

Вот некоторые из них: «Потерянное золото можно найти, потерянное время — никогда».

«Спать на одной подушке — еще не значит видеть один и те же сны».

«Учиться — все равно, что грести против течения: только перестанешь — я тебя гонит назад».

Не перестаешь удивляться жизнестойкости этих созданий народного творчества. Недаром же на днях в одной из наших радиопередач была проиграна пословица, примененная китайской печатью к лицемерной политике Социнических Штатов Америки: «Бойся тигра, который нхает хризантему; он в это время обучается прыжку».

Этот тигр срывает волку в овечьей шкуре из русской басни, как срывает между собой и многие другие поговорки и сказки самых разных народов. Сходная форма рождается сходным содержанием. А оно, это содержание, рождено здравым житейским смыслом и высокой мудростью: всем тем, что свойственно любому народу.

Все это еще раз подтверждено сборником «Чудесный мастер», за который мы должны быть благодарны Читинскому книжному издательству и всем, кто работал над этой чудесной книжкой.

Вера ИИВЕР

Юбилей народного поэта

12 февраля общественность Киргизии отметила 50-летие со дня рождения и 30-летие литературной деятельности Аалы Токомбаева.

Правление Союза писателей СССР направило юбиляру приветствие, в котором говорится: Первое стихотворение Аалы Токомбаева, напечатанное 30 лет назад в праздничном номере газеты «Эркин Тоо» («Свободные горы»), ознаменовало собой начало советской поэзии Киргизии. С тех пор вышло в свет свыше 30 книг Токомбаева.

Вдохновенные и самобытные произведения поэта стали достоянием миллионов советских читателей. Далеко за пределами Тянь-Шаня знают задушевные лирические

Вчера в Колонном зале

В Колонном зале Дома союзов вчера собрался...

Прежде чем попасть в Колонный зал, участники совещания...

Выставка носит не парадный, а деловой характер...

Вчера участники Всесоюзного совещания работников издательства...

В докладах поставлены волнующие всех советских читателей вопросы...

В докладах Г. Александрова и А. Назарова была дана развернутая программа...

Совещание продлится несколько дней. Будут обсуждены...

В работе совещания принимают участие секретарь ЦК КПСС тов. Попелов.

О ленинградском Доме книги

Кто не знает на Невском проспекте высокого дома с башней...

С улицы в него ведут две двери. Одна из них вводит вас...

Если мы не будем пользоваться лифтом, а поднимаемся...

И хотя в Доме книги много, но все же вас не оставляет...

— Кто же они? Техрезы? Выпускающие?

— Ни те и не другие. — отвечает один из старожилов...

Так выясняется, что теснота, обилие столов...

Если не говорить о большом книжном магазине...

Конечно, у местных отделений Госиздата, Училища...

Город, имеющий богатейший опыт и славные традиции...

В этом-то и лежит, пожалуй, причина печально-мрачного облика...

Так как ленинградские отделения московских издательств...

Например, Ленинградское отделение Училища, наряду с учебными...

граде рукописи рецензируют и редактируют, затем ее пересылает в московскую редакцию...

Если вдуматься, то куда было бы проще решать на месте...

Присмотревшись к деятельности Ленинградского отделения...

Возьмем, например, «Северную редакцию», выпускающую...

Между тем нередко получается так, что редактор — это единственный человек...

Итак, в одном случае, когда Ленинградское отделение...

У ленинградского Дома книги — славные традиции. Он сыграл немалую роль в истории советского издательства...

А. ВОИНОВ

Хорошо поставлено кинообслуживание колхозников в Сосновском районе...

Отлично работает киномеханик И. Бочаров, обслуживающий три населенных пункта...

Фото В. Георгиева

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

О ГОМЕОПАТИИ

В редакцию «Литературной газеты» продолжают поступать письма читателей...

«Литературная газета» трижды обращала к этому вопросу...

Рассмотрев материалы этих писем, Министерство здравоохранения СССР издало приказ...

Следует отметить, что это признание подействовало лишь 15 сентября 1954 года...

Приказ министерства предписывает продолжать до 1 августа 1955 года...

Кроме того, в течение 1955 года к гомеопатическим поликлиникам будет прикреплена группа высококвалифицированных врачей...

ТРАГЕДИЯ ПУШКИНА

На днях в Центральном доме литераторов под председательством И. И. Андроникова...

Новые документы о гибели поэта

В этих письмах мать, сестры и братья А. Карамзина...

— Но самое ценное в письмах — упоминание о Пушкине, который как раз в эти годы часто бывал в доме Карамзиных...

— По моему мнению, это трагическое состояние его страдания...

30 января Екатерина Андреевна Карамзина пишет сыну о смертельном ранении Пушкина...

«...Закатилась звезда светлая, Россия потеряла Пушкина...

С огромным волнением сообщают Карамзины подробности поединка...

Замечательное письмо написал Андрей его брат Александр Карамзин...

«Ты спрашиваешь почему мы тебе ничего не пишем о Дантесе...

Кроме того, в течение 1955 года к гомеопатическим поликлиникам будет прикреплена группа высококвалифицированных врачей...

«Ты спрашиваешь почему мы тебе ничего не пишем о Дантесе...

Кроме того, в течение 1955 года к гомеопатическим поликлиникам будет прикреплена группа высококвалифицированных врачей...

стояло большого труда совершенно завладеть умом и душой Дантеса...

любовя, не знаю уж с каким дьявольским умыслом...

— Суд его еще не кончен. После смерти Пушкина Жуковский...

Плачь, мое бедное Отечество! Не скоро родишь ты такого сына!

Письма Карамзиных подкрепляют ту общественно-политическую концепцию...

Как эти письма оказались в Нижнем Тагиле? В 1836 году известная петербургская красавица...

С большим интересом было выслушано сообщение Т. Цивальской...

Судьба людей повсюду та же: Где благо, там уже на страже Ишь просвещение, иль тиран.

Новые открытые автографы устанавливает, наконец, правильный текст...

Судьба земан повсюду та же: Где капля блага, там на страже Уж просвещение, иль тиран.

100 лет со дня рождения В. М. Гаршина

Вчера, 14 февраля, исполнилось 100 лет со дня рождения замечательного русского писателя В. М. Гаршина.

В ознаменование юбилея Госиздат выпускает 500-тысячным тиражом...

«Муза мети и печали» — такие определения во многом верно, хотя и неполно...

Горький был тем новым повдом новых людей, который с яростным задором провозгласил: «Человек создан для счастья...

Гуманизм Горького — исторически оптимистичен. В этом его особенность...

Как замечательно и характерно, что гуманистический характер советской литературы...

Гибнет почти целиком разгромленный в неравных боях партизанский отряд...

Умирает от страшной болезни Николай Островский, но его герой, так тесно слитый с личностью автора...

Гибнет в сталинградских руинах батальон Филиппина, но гибелью, кровью своей клятвою утверждает...

Везде — во всех приведенных случаях парод советских художников...

Раньше, до революции, гуманизм был сопряжен почти всегда с жалостью к человеку, с болью за него.

теле — две неизвестные рецензии Гаршина на детские книги.

Научные заседания, посвященные Гаршину, проводятся Государственным литературным музеем...

Личность человека не растворена в массе, она высоко поднята и опознана...

Гуманизм литературы нового общества, таким образом, заключается не только и не просто в любви к человеку...

Чернышевский сознательно связывал свою новаторскую эстетику с эстетикой человека, который понимает прекрасное...

Чем дальше шел процесс исторического развития искусства и эстетики...

Гибнет почти целиком разгромленный в неравных боях партизанский отряд...

Умирает от страшной болезни Николай Островский, но его герой, так тесно слитый с личностью автора...

Гибнет в сталинградских руинах батальон Филиппина, но гибелью, кровью своей клятвою утверждает...

Везде — во всех приведенных случаях парод советских художников...

Раньше, до революции, гуманизм был сопряжен почти всегда с жалостью к человеку, с болью за него.

Свет гуманизма

С Востока, из Союза Советских Социалистических Республик, из нового свободного Китая...

АН. ТАРАСЕНКОВ

куство Эллады. Оно было исторически ограничено кругом античной мифологии...

Гуманизм в искусстве — одно из самых замечательных завоеваний всемирной истории...

Любовь к человеку — это сегодня ненависть к атомной бомбе, к поджигателям войны, к империалистам и их подручным.

Борьба за счастье людей, за их будущее, за их мирный созидательный труд...

Всю свою старт, всю свою любовь, все свои помыслы советские писатели и деятели искусства...

Долгую и славную жизнь прошло трудовое человечество, в суровых испытаниях научилось оно создавать не только мир умных и послушных людской воле вещей...

Едва только искусство древних сумело вырваться из пелены грубых и темных символов, едва оно обособилось от мистических суеверий Вавилона и Египта...

смену мертвой эстетике крылатых быков, пирамид и циклопических храмов...

Уманиям в искусстве — одно из самых замечательных завоеваний всемирной истории...

Любовь к человеку — это сегодня ненависть к атомной бомбе, к поджигателям войны, к империалистам и их подручным.

Борьба за счастье людей, за их будущее, за их мирный созидательный труд...

Всю свою старт, всю свою любовь, все свои помыслы советские писатели и деятели искусства...

Долгую и славную жизнь прошло трудовое человечество, в суровых испытаниях научилось оно создавать не только мир умных и послушных людской воле вещей...

Едва только искусство древних сумело вырваться из пелены грубых и темных символов, едва оно обособилось от мистических суеверий Вавилона и Египта...

ко острые, что подчас они сталкивались между собой и этих замечательных людей...

Упамятная буржуазная литература много и торжественно болтала о личности, о ее свободе, о ее всемогущести...

Я за край взглянуть умею и свою бездонность знаю. (К. Бальмонт)

Однако подобная пышная декламация на деле не стояла ни гроша. Личность буржуазного философа, поэта, артиста...

В черную для искусства пору декаданса возникли такие дикие, ни с чем несообразные явления...

Заблуждения злых отщепенцев искусства очевидны. Хотелось только еще раз подчеркнуть...

Великие времена, — некоторые из этих антигуманистических течений в искусстве оказывали влияние на незрелую художественную мысль...

Были времена, — некоторые из этих антигуманистических течений в искусстве оказывали влияние на незрелую художественную мысль...

Были времена, — некоторые из этих антигуманистических течений в искусстве оказывали влияние на незрелую художественную мысль...

ДРУЖБА — такое это прекрасное слово! Се знаю, была ли в древние времена поэты в бесчисленных лирических стихах или рассказах такая дружба, которая сравнилась бы по силе и красоте с дружбой народов Китая и Советского Союза? Еще недавно она была только в наших сердцах, ныне она вошла во всю нашу новую жизнь. О ней, об этой великой дружбе, я и хочу рассказать...

ДРУЖБА — В НАШИХ СЕРДЦАХ, ВО ВСЕЙ НАШЕЙ ЖИЗНИ

Девятнадцать лет назад в общежитии японских хозяюшек в Аньшане работал мальчик. Звали его Чу Вай-чи.

День и ночь подыхали в китайском городе Аньшане доменные печи, но чуток забрала японцы. Сталь тоже варилась для них.

Тяжелой работе мальчишка не было конца. Когда японцы дожились спать, Чу Вай-чи, обжуренный клубами пара, скрывавшим даже тусклый свет электрической лампочки, начинал мыть посуду.

Приходила полночь, глаза слипались от усталости, но красные от кипятка руки автоматически продолжали свое дело. А скоро уже рассвет, проснувшись хозяева-японцы, надо готовить завтрак.

Удивительно, как этот мальчик мог переносить постоянный голод, непреходящую усталость...

Отец маленького Чу работал раньше на обогатительной фабрике. Но случилась беда — взорвался котел. Когда рассеялись клубы дыма и пламени, оказалось, что отец на всю жизнь стал калекой. Что оставалось делать? Чу Вай-чи пошел работать в японцам. Его часто били. Стиснув зубы, глотал он горькие слезы.

Работая в Японии, Чу Вай-чи, когда прогнали японских захватчиков, была безмерной. Навсегда распрощался он с ненавистной ему кухней и стал продавать газеты. Одежды в лохмотья, бегал Чу по улицам в дождь и непогоду. Чтобы уберечь газеты, от завертывал их в свою жалкую одежку.

И вот недавно я побывал в Аньшане. «Городом стали» зовут его наш народ. Аньшань — важная база в индустриализации Китая, главная база нашей черной металлургии.

Я посетил завод бесшовных стальных труб. Это современное предприятие мы построили с помощью Советского Союза. Яркие лучи солнца освещали ряды сложных и умных машин. Водя стеньги живые цветы. Слово огненные стрелы, детали по ролям раскаленные трубы.

А у обжимного стана стоял молодой человек и управлял машиной. Это была умная машина! Казалось, что у нее есть руки. Больше того, — думалось, что она имела и свой мозг.

Я следил за молодым мастером. Знаете, кто это был? Не кто иной, как Чу Вай-чи. Тот самый, который мыл посуду у японцев и продавал газеты на улицах.

Ты, дорогой читатель, очевидно, решил, что в этом и заключается мой рассказ о нашей дружбе с советскими людьми! Конечно, повсюду в нашей стране работают машины, присланные советскими братьями. На открытых угольных разработках я видел электрические экскаваторы, похожие на сказочных исполинов, — это были советские экскаваторы. Глубоко под землей, в шахтах гудят вробые машины, — их прислали нам из Донбасса.

На прекрасных реках Китая и в котлованах новостроек, на Юймыньских нефтепромыслах и в горных долинах, в цехах заводов — всюду можно увидеть советские машины.

Но сейчас мой рассказ не о них. Я хочу говорить о человеке, познавшем эти машины. Я рассказываю о Чу Вай-чи, чья жизнь лучше всяких слов покажет вам, как дружба с советским народом входит в судьбы людей Китая.

После освобождения Аньшаня Чу Вай-чи стал прокатчиком. Однажды секретарь

ЛЮ БАЙ-ЮИ,
китайский писатель

Чжу Вай-чи показывал новый снимок и взволнованно сказал: — Это мой первый учитель.

Я увидел человека с коротко подстриженными волосами. На-под густых бровей смотрели внимательные глаза, губы были плотно сжаты. Я подумал: наверно, решительный и мужественный, предельно искренний человек.

Чжу Вай-чи начал рассказывать. Марросем, его первый учитель, — бригадир прокатчиков. Казалось, у него было лишь одно желание — как бы понапнее, полнее передать китайскому товарищу свои знания, навыки. С какой любовью относился он к ученику, оборотал его каждый шаг, показывая все приемы работы, подробно объяснял.

Еще одна фотокарточка. На ней — второй учитель Чу Вай-чи — Куанецов. А на следующей карточке рядом с Чу Вай-чи на фоне заводских корпусов стоял высокий улыбающийся человек. Это был третий учитель китайского прокатчика.

— Никогда не забуду, — сказал мне Чу Вай-чи, — помощь советских людей. Собственно, Чу Вай-чи помогали все рабочие цеха. Среди них был, например, мастер Уткин. Сорок лет проработал он на заводе. После смены мастер часто приглашал Чу Вай-чи к себе домой. За чайкой чай он объяснял технику своего дела, особенности и секреты машины. А его жена угощала гостя своими домашними кушаньями. Эта семья относилась к китайскому гостю с такой любовью, как будто он был их родным сыном...

— Накануне моего возвращения в Китай, — тихо продолжал Чу Вай-чи, — ко мне пришли мои учителя со своими женами. До поздней ночи просидели мы тогда. «Если у тебя в Китае будут трудности с работой, — говорили они, — напиши нам, мы немедленно ответим». Товарищ Куанецов дал на прощание книжечку в кожаном переплете, всю заполненную его записками об опыте работы.

Надолго запомнил в Аньшане день, когда был пущен первый в Китае завод бесшовных стальных труб. Чу Вай-чи, одетый в новую темносинюю спецодежду, стоял у пульта управления. Рядом с ним был советский специалист. Чу Вай-чи изучал советскую технику на Урале. А этот специалист приехал в Китай с Украины. Так на Аньшанском заводе опыт Урала и Украины помог китайскому рабочему освоить новый вид производства.

Торжественная это была минута: рождалась первая бесшовная стальная труба. Важность момента заключалась не только в том, что это был еще один шаг в индустриализации Китая, а также в том, что старый Аньшань превратился в новый Город стали, который, словно гигантский факел, озарил наш путь вперед. И еще в том, что непобедимый всю горечь жизни в старом Китае юноша стал человеком совершенно нового склада, человеком нового, народного Китая...

Чжу Вай-чи был счастлив. Своей рукой он привел в движение машину, которая выдала самую первую в Китае стальную трубу. Он возликовал: а вдруг ее качество окажется плохим!

Но вот машина вздрогнула, напояв цех своим гулом. Из обжимного стана выскочила раскаленная докрасна труба. Чу Вай-чи напряженно следил за тем, как ее унесли: что покажет анализ?

Наконец-то! Радостная весть облетела цех. «Первый сорт». К советскому специалисту бросились рабочие с живыми цветами. Растроганный, он передал их китайскому мастеру. Отныне вся жизнь Чу Вай-чи была связана с машинами. Они повиновались ему, ибо у него советская выучка.

Жизнь Чу Вай-чи наполнена сейчас многими радостями. Я рассказал об одной из них — самой драгоценной, как и для всех нас, — радости китайско-советской дружбы.

Для металлургов Аньшаня первая бесшовная стальная труба стала драгоценностью. Они торжественно подарили мне кусочек этой трубы. На нем были выгравированы исполненные глубокого смысла слова: «Результат китайско-советской дружбы».

И я хочу еще раз подчеркнуть, что эта великая дружба вошла в жизнь миллионов людей. Таких, как Чу Вай-чи и другие, она в наших сердцах, во всей новой жизни моего народа.

ПЕКИН, 12 февраля.
(По телеграфу)

Странная позиция некоторых дипломатов суверенных стран

Рис. В. Фомичева

С ПОЛИЧНЫМ! Чернильные гангстеры не унимаются

Сессия Верховного Совета СССР, на которой глубоко и всесторонне были рассмотрены вопросы международного положения и внешней политики Советского правительства, вызвала огромный интерес во всем мире, в том числе и в Соединенных Штатах Америки. Американская пропаганда при всем своем желании не смогла обойти молчанием это важнейшее событие в международной жизни.

Но разве могут вашингтонские ревнители политики «с позиции силы» сказать правду о миролюбивых намерениях Советского Союза? Чем тогда они оправдали бы безудержную гонку вооружений, свои исторические призывы к атомной войне?

И продажные перья американских монополий прибегают к своему обычному «творческому методу». Все делается для того, чтобы извратить основные принципы внешней политики Советского Союза. Для этого из контекста доклада В. М. Молотова на сессии вырывается отдельная фраза, иногда полфразы, и из них делаются самые невероятные выводы, добренные изрядной долей антисоветской клеветы.

Тиничным представителем такого рода «комментаторов» является обозреватель агентства Ассошиэтед Пресс Уильям Райан. Подобно шедриному галлетнику Исаиу Непомниченцу, который «принял себя за правило писать бойко и хлестко; не видел принципов и убеждений...», сей борошонец, тыча пальцем в белое, вопит — черное. В докладе В. М. Молотова он «увидел» то, что ему приказали увидеть его хозяева, заинтересованные в раздувании военной истерии. Свалить вину с большой головы на здорую, изобразить Советский Союз как

«противника» политики мирного сосуществования, а американских поборников политики «с позиции силы» представить «борцами» за мир, за ослабление международной напряженности — такую, так сказать, сверхзадачу лицездеет из редакций американских реакционных газет.

Райан действует по испытанному методу жуликов, которые громче других кричат «держи вора!». Он приписывает Советскому Союзу «нажим на колониальные страны», «воинственные намерения», то есть все то, что свойственно политике правящих кругов США. От Райана не отстают и другие его собраты по перу.

Так, небезызвестный Стюарт Олсон, обозреватель газеты «Нью-Йорк геральд трибун», пытался оправдать вашингтонскую политику гонки вооружений, утверждая, что из доклада В. М. Молотова якобы вытекает, что «даже о частичном урегулировании с Западом не может быть и речи». В той же газете другой чернильный гангстер Левьеро с серьезным видом высказывает предположение, что Советский Союз отказался от «политики сосуществования».

Обогащать и еще раз обогащать Советский Союз — таковы набившие оскомину методы американской пропаганды. И реакционная печать США лжет без зазрения совести.

Все это — свидетельство нервозности реакционных кругов США. Их лгутает тот факт, что доклад В. М. Молотова, отразивший твердую уверенность советского народа в своих силах и волю к сохранению мира, произвел огромное впечатление на мировое общественное мнение.

Обогащать и еще раз обогащать Советский Союз — таковы набившие оскомину методы американской пропаганды. И реакционная печать США лжет без зазрения совести.

Всего этого — свидетельство нервозности реакционных кругов США. Их лгутает тот факт, что доклад В. М. Молотова, отразивший твердую уверенность советского народа в своих силах и волю к сохранению мира, произвел огромное впечатление на мировое общественное мнение.

Обогащать и еще раз обогащать Советский Союз — таковы набившие оскомину методы американской пропаганды. И реакционная печать США лжет без зазрения совести.

憲法是我們革命勝利的成果。是我們走向社會主義社會的保障!

«Конституция — результат победы нашей революции, гарантия победы социализма в нашей стране».

Планшет художника ЧЭНЬ ГУАНЬ-ЧИЭНЯ

Я стою на вершине горы Циляншань

Я стою на вершине горы Циляншань*, Как боец на границе отчины родной. Я стою на вершине горы Циляншань. День и ночь возле вышки своей нефтяной.

Если даже, дышанье в груди ледяня, Нестерпимая стужа сковала гряды, Если ветер песком ослепляет меня, — Все равно я с поста своего не уйду!

Одинок я? — Ничуть! Надо мною семь звезд В темноте повисают алмазные ковшом.

* Циляншань — гора в районе Юймыньских нефтяных промыслов в Китае.

Утром горные пики встают во весь рост, Молчаливо меня обступая кругом.

А по горам спешат вереницы машин. Сверху кабина, право, не больше жука! Перекладка орлов раздается с вершин. В тишине подымаются ко мне облака.

Вижу — с первой рабочей машиной сюда Мчатся братья мои в предприсветную рань. Вижу — в небе последняя гаснет звезда. Вижу — солнце встает над горой Циляншань.

Перевела с китайского В. ПОТАПОВА

Д. ЗАСЛАВСКИЙ Мы идем вместе

Советско-китайская дружба выражена в исторических документах, в декларациях и заявлениях выдающихся государственных деятелей, в книгах и статьях, в резолюциях многотысячных собраний и митингов, в фактах, полных убедительности, волнующего содержания.

Она выражена также и в том, что нельзя уложить в документы, нельзя оформить заявлениями, нельзя свести к фактам, но что тем не менее столь же убедительно, как документы и факты. Это чувство дружбы. Это то, что не укладывается полностью в слово, во всяком случае, в слово публициста и требует художественного, поэтического, музыкального выражения. Но это чувство совершенно реально. При всей своей субъективности оно обладает силой объективности — мощью объективности, ибо это чувство миллионов, чувство всего народа.

Воздух, атмосфера, в которой живут и документа и факты. И этот воздух дружбы, мы, советские журналисты, побывавшие недавно в Китае, почувствовали сразу же, как только спустились по лесенке из самолета на китайскую землю.

Нас окутала атмосфера дружбы, нас прояснила организованность встречи. Нам не пришлось в беспорядке навстречу толпы друзей. После четырехчасового полета над горами, на большой высоте, мы не опалили на земле от приветственных криков, от радостной суеты, когда кто-то пожимает руку, а кто-то другой прижимает к груди, а кто-то третий нагрудает цветами, и трудно разобрать лица, и ласково улыбаешься всем сразу... В Пекине, в аэропорту, было не так.

Все встречающиеся выстроились в линейку, в цепочку, и мы сейчас же, увидев это, тоже встали в линейку, и наша цепочка пошла вдоль китайской, и мы каждому подали руку, и каждый отвечал крепким рукопожатием. Это было первое знакомство и первый, почти безмолвный разговор, когда взгляды заменяют слова, когда волевыми глазами и глазами и виденье без ошибок: эти глаза друга, это рука друга, это улыбка друга, и когда в простое слово «здравствуй» вкладывается всю свою силу любви и ласки.

Мы много ездили по Китаю, нас встречали и на аэродромах, и на вокзалах, и на

площадях. И всюду нам сопутствовала эта атмосфера дружбы. И ее же мы ощущали на собраниях и в беседах, и на наших докладах о Советском Союзе, и на прогулках по улицам и паркам, и просто при бездомном обмене взглядами со случайными прохожими. Это было трогательно и волновало. И мы сознавали всю значительность этих чувств взаимной любви и дружбы. Недаром с такой пылкостью стараются проникнуть в глубину этой дружбы все соглашения империализма. Они интуитивно ищут, куда могла бы пробраться разъедающая кислота вражды, интриги, подозрительности. Насколько прочна советско-китайская дружба — это для них вопрос первостепенной важности.

В делегации английских дейборнстов, которая приехала в Китай, были люди, которые именно этим вопросом больше всего занимались. Они уверяли китайский народ в своей дружбе и в то же время исподтишком, воровским манером, пытались заорать семена недоверия к советским людям.

Это выболтал английский журналист, сопровождавший делегацию, Г. С. Гали. В еженедельном приложении к газете «Манчестер геральд» он признал, что провалились попытки посеять раздор в китайском народе. Атмосфера нового Китая ему решительно не понравилась. К англичанам отнеслись чрезвычайно вежливо, даже, если угодно, дружелюбно, во всяком случае, гостеприимно. Но этот Гали явно чувствовал себя чужим в большом китайском доме.

Мы чувствовали себя родными в этом доме. Говорят, что надо стелить пуд соли с человеком, чтобы узнать его. Это не верно или, во всяком случае, не всегда верно. Во многих случаях, войдя в дом, вы сразу же можете почувствовать все оттенки гостеприимства, от вежливости до любви. И, пожалуй, всего яснее выражали искренность дружбы китайские дети.

Чуждые китайские ребята! Дети — это самые неуклюжие дипломаты в мире. Они всегда и во всех случаях говорят то, что думают, и именно то, что не только они думают. Довольительно перифразировать известную поговорку: что у зародился на уме, то у детей на языке. Они часто кричат на улице то, о чем говорят дома. Иногда некоторые незоршие люди назы-

вают их за эту способность «страшными детьми».

Так и еще похуже называли их империалисты в прошлые годы. Я жил в Шанхае в эти, навсегда ушедшие времена. Иностранцам не рекомендовалось выходить за пределы settlements, в «китайский город». — и именно из-за китайских детей. Взрослые китайцы были сдержанны и скрывали за маской безразличия свою ненависть к империализму. А дети не стеснялись, издевались, смеялись, выкрикивали бранные слова. В англо-американской печати, выходящей тогда в Китае, детей китайского народа называли «черятами», жаловались на их «распущенность».

Это китайские ребята-то распущены! На наш советский взгляд — это, конечно, веселые, резвые, но, пожалуй, самые дисциплинированные дети в мире. Они окружали нас всюду приветливыми ставками, но никогда не были крикливы и назойливы. Как только узнавали они в нас советских людей, все приветствовали возгласами: «Здравствуй, старший советский брат!». Это у них формулой такой стало, общепринятым обращением к нам, и само собой разумеется, они повторяли то, что слышали в школе, у себя дома, на улице. И те чувства, которые китайские дети выражают так открыто, непосредственно, — чувства глубокой дружбы были с нами, советскими людьми, всюду — и при личных встречах, и когда мы сидели среди зрителей в театрах, и при встречах и проходах.

И мы сознавали, какое это большое, политически значительное, исторически могучее чувство. Ведь за этой общностью чувств двух великих народов — соседней стоят общие экономические, политические, культурные интересы, общие исторические судьбы.

У советско-китайской дружбы прочные корни, уходящие глубоко в прошлое. Мы летели под синим безоблачным небом, над высоким заснеженным горами. Советская граница осталась позади. На несколько минут приземлились в Улан-Баторе. После короткой дружеской встречи с приветливыми людьми поднялись снова в воздух. Долго летели над желтой пустыней, потом показали высокие горы. Выйдя к нам из своей кабины, пилот сказал: «Под нами Великая китайская стена».

Мы прильнули к окошечкам самолета. Знаменитая стена, — величайшее сооружение далекой эпохи, чудо древней китайской строительной техники, — змеялась глубоко под нами, скрывалась в ущельях гор, снова показывалась, пропала в дымке тумана. Мы видели древнюю границу Китайского государства.

Это была некогда самая беспокойная страна. Отсюда или на самую по тем временам культурную страну дикие копытные орды. Стена не могла сдержать их. Завоеватели перешли через нее, громили и жгли города и села, угоняли людей в рабство, устанавливая свои порядки. Великая китайская стена превратилась теперь в памятник, а северная граница стала границей дружбы Китая и Советского Союза. Отсюда ныне ничто не угрожает миру и спокойствию великого народа. Это граница мира и дружбы.

Мы отмечаем пятилетие советско-китайского Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи. Стоит при этом случае вспомнить, хотя бы самым бедным образом, и другую годовщину. Ровно триста лет назад прибыл в Китай первый русский человек. Звали его Федор Байков, был он потом московского царя. В Пекине он пытался заключить договор с китайским богдыханом. Сановники относились к нему с недобрым гостеприимством, китайские простые люди и торговцы — с дружеским. Московское правительство было первым западным правительством, установившим постоянные дипломатические и торговые отношения с Китаем на началах равенства...

В начале двадцатого века китайский народ впервые услышал мощный голос русского пролетариата, который борю свою против царского самодержавия, против русских капиталистов и помещиков не отделил от борьбы народов колониального мира за свою национальную независимость. Тогда китайские рабочие и крестьяне узнали, что у них в России есть верный друг. Учение марксизма, обогащенное трудами великого Ленина и опытом коммунистической партии (большевиков), пронизало в Китае. Революция 1905 года могучими толчками отразилась в китайских народных массах. Перед великими соседними народами открылся общий путь борьбы.

Борьба революционного пролетариата в России питала революционное националь-